

ПЕТР ТОДОРОВСКИЙ:

Культура - 2005. - 13-19 янв. - с. 8

На передовую я попал в одной гимнастёрчке

Петр ТОДОРОВСКИЙ — один из немногих режиссеров старшего поколения, который находится в рабочем строю. Без съемок жить не может, тут же нападает хандра. Последняя по времени его работа — «В созвездии Быка», фильм о войне и собственной молодости. В год 60-летия Победы об этом мы еще не раз будем вспоминать вместе с Тодоровским. А в новогодние дни на канале «Россия» вышел 12-серийный фильм «Курсанты» (режиссер А. Кавун, продюсер В. Тодоровский), снятый по автобиографической прозе П. Тодоровского «Вспоминая — не вспоминай» (сценарий — З. Кудри). 1942 год, новобранцы готовятся к отправке на фронт.

— Петр Ефимович, какое у вас самое страшное воспоминание о войне?

— Первая ночь, когда я попал на передний край, в часть, которая была разгромлена. (Начинал воевать на Западной Украине.) Мы ехали на передовую из училища очень долго, полтора месяца. Сухой паек закончился, и по пути продали все, что нам дали, — запасное белье, шинели. Таким образом я попал на передовую в одной гимнастёрчке. Меня заметил сержант. Видавший уже виды, он сказал, что в такой одежде до утра я не доживу. И мы поползли за шинелью. Ракеты вокруг взлетали и с нашей стороны, и с немецкой. Мы поползли к окопу и увидели — стоит в окопе человек с усами, подперев голову кулаками. Осколок ударил его сзади, прямо в затылок. Так он и остался стоять... Сержант сказал, что это его друг, и мы начали снимать шинель — он сзади под локти захватывал, а я спереди. И никак не могли вытащить. И это лицо мертвеца с открытыми глазами передо мной до сих пор стоит. Вытащили, сами с трудом развели руки, так они ооченели. Сняли шинель, я ее надел. Рукава были длинны, и он взял нож, их отрезал и подол, счистил с воротника комок сплещенной крови — носите на здоровье. Я припомнил, что есть примета — кто наденет с мертвого, обязательно погибнет. А он — плюньте вы на все эти разговоры, жить будете. Это была первая ночь. И потом было много страха, потому что вообще страшно на войне. Страшно, когда умирают люди рядом, твои друзья умирают...

— А какая-то самая радостная история?

— Радость приходила каждый раз, как только мы уходили с переднего края хоть на триста метров. Иногда отводили поест, мы тут же сбрасывали гимнастерки, потому что бойко очень вши заедали. Тут уже и санитарки, тут уже и жизнь вся. Это было счастье. Ну и конечно, счастье, когда в госпиталь попал после ранения. Юс-поди! Белая простыня, и я в чистом белье... Чудо какое-то. То же самое ощущение было, когда вышли на Эльбу с боями. Перед нами был мост через реку. И до последнего момен-

та, отстреливаясь, немцы переправлялись к американцам, которые стояли на той стороне. Каждому солдату давали пачку патронов — 120 штук, и нужно было палить в немецкую сторону, чтобы держать всех в напряжении. И после грохота бесконечного и круглосуточного, ни днем, ни ночью не прекращающегося, вдруг тишина. Это было 8 мая.

Тишина — и трава, и цветы, и лошади в траве валяются. Мы сбросили наконец вонючие портянки и валялись в траве, и не верилось, что мы остались живы. И только гармошка где-то пиликала...

До войны мы жили в маленьком украинском городке. Жили очень бедно, голодали в 32 — 33-х годах. Мама, кстати, умела играть на гитаре и пела старинные романсы. И все лучшее, что во мне есть, — все от мамы. С книгами в доме было плохо. Мало читал. Играл в футбол. За мной никто не смотрел, шалопап был жуткий. Потом началась война, куда-то бежали. Работал в колхозе на скотном дворе. Где-то разгружал уголь. Потом армия. И я думаю, выжил только потому, что мама всю войну за меня держала в доме огарочек свечи. Мой старший брат ушел в армию в 40-м году. И прошло 60 лет, а мы о нем ничего не знали. И все 60 лет мы писали письма в разные инстанции. В 2001 году позвонили из Коломны. Там поисковая группа нашла место, где он погиб и похоронен. Родители и старшая сестра умерли — так и не узнали.

— Один из лучших фильмов о войне — ваш «Военно-полевой роман». Это ваша военная история?

— Да. Мы сидели в окопах, вокруг грязь и холод. И раз в день приползли к котлу получить свой горячий паек. Путь лежал мимо землянки командира. И как-то оттуда донеслась музыка — играл патефон, и слышался женский смех, такой необычный, хрипловатый. Может быть, танцевали. И такой, казалось бы, незначительный по всем представлениям эпизод так засел, застрял в памяти. Уже после войны я проходил около ЦУМа. И вдруг услышал женский смех. Меня как будто пронзило, какой-то заряд электрический пробежал. ...Это был тот самый удиви-

П. Тодоровский

тельный смех из той военной землянки той другой жизни. Я оглянулся. Смеялась женщина, она продавала что-то с лотка. Было холодно, и на руках у нее были такие перчаточки с отрезанными пальчиками. И около нее стоял маленький ребенок, закутанный. Она смеялась. События вдруг так соединились в памяти — то, что я на фронте слышал, и это. И я придумал фильм «Военно-полевой роман». Очень жалею, что так поздно снял картину, — надо было с этого начинать свою режиссерскую деятельность. Но я не понимал еще ясно тогда про свою жизнь. И боялся писать, думал, что не справлюсь, хотя понимал, что знаю, чувствую ту жизнь. И Булат Окуджава в те времена тоже не умел сценарии писать. Но мы знали хорошо материал, потому что воевали оба. И я пригласил его работать над сценарием к картине «Верность». Мы, как слепые котятка, долго-долго что-то делали, писали.

Еще вам скажу, что каждый режиссер должен дуть в свою дуду и жить только в той эпохе, которую чувствует. Например, я снял картину «Последняя жертва» по пьесе Островского. Он замечательный драматург, но совершенно не мой. И об этом жалею.

— Петр Ефимович, вы закончили операторское отделение. А как стали режиссером?

— Я не стал, меня стали. Я работал оператором на Одесской киностудии с Марленом Хуциевым («Весна на Заречной улице», «Два Федора») и Евгением Ташковым («Жажда»). В какой-то момент они убежали в Москву. А на студии лежал сценарий Григория Поженяна, который был уже куллен. И надо было, чтобы кто-то снял. Поженян ездил в Киев, все пробивал. И надо знать этого человека — он читал в инстанциях стихи, он стоял в кабинетах на руках... Разрешение получили и отдали молодому режиссеру Владимиру Дьяченко, который только что окончил ВГИК. А меня, как более опытного, прицепили как главного оператора, да еще сделали сорежиссером. И я включился в эту сорежиссерскую работу.

Интересно было начинать с актерами работать. Я не знал системы Станиславского, но если знаешь, что хочешь, можно рассказать актеру, что с ним происходит в этом кадре, и этого вполне достаточно. Чтобы объяснить, что у героя в душе происходит, порой надо какой-нибудь анекдот рассказать на эту тему, или слу-

чай, или историю из жизни. И тогда актер начинает тебе верить и слушать тебя. Такой опыт приобретал я в фильме «Никогда». Это был мой режиссерский дебют.

— В последнее время вы все чаще выступаете со сцены с музыкальными номерами. Сейчас вы более режиссер или музыкант?

— Я только режиссер. Каждый ведь чем-то увлекается — кто рыбалкой, кто огородом, кто шахматами. Вот для меня такое хобби — гитара. С ней я отдыхаю, отхожу от работы, от заботы и забываю всякие невзгоды. А иной раз она помогает и придумать что-то, когда не идет в голову какая-то сцена или сюжетный ход. Бывает, под бреньканье невольно вдруг придумывается и какое-то решение. Каждый режиссер сочиняет по-своему — кто любит ходить, кто сидеть, кто лежать думая. У каждого своя манера, у меня вот выработалась такая. Иногда бренькаю и не слышу сам что. А иногда даже мелодия выплывает. И музыка, которая приходит во время сочинения сценариев, к концу становится темой картины. Никогда не бывало так, чтобы материал был уже готов, а я принимался сочинять музыку. Таких способностей я не обладаю. И в музыке я абсолютный дилетант и самоучка. Гитара в моих руках появилась случайно. Когда снимали фильм «Весна на Заречной улице», гитара, с которой в фильме прогуливался один из героев, валялась в общежитии, где мы жили. И я ее взял как-то, и так мне понравилось. Потом купил себе дешевый инструмент за семь пятьдесят и так потихоньку-потихоньку научился играть. Я до сих пор и нот не знаю, хотя некоторые музыканты теперь говорят, что уже выработал свой стиль, ни на кого не похожий. Все свои «ля-ля» я подбираю аккордами. Я так слышу гармонию. И вижу — так мне кажется. Поле, пустота, небо. И все, что у меня получается, — это чистая, сто-процентная интуиция.

— Петр Ефимович, вы в детстве были шалопаем. А ваш сын?

— Валера был такой же шалопап. Учился плохо. Он любил бегать по нашему большому двору и по деревьям лазить — дворовый был мальчишка. Но наступил момент, когда он сам нашел школу с гуманитарным уклоном и поступил туда учиться. И вот с 8 по 10 класс я его помню в одной позе — лежащего на диване и читающего. За два года он перечитал всю классику — и нашу, и западную. Самостоятельность проявилась у него рано. Во ВГИК на режиссерский его не взяли. Хорошо, успел к Парамоновой на сценарный факультет ВГИКа. Пытался на Высшие режиссерские курсы попасть, опять не взяли. И потом

так случилось, что он за месяц в Ялте снял «Катафалк» в 90-м году. А дальше вы все знаете.

— А что вы цените в своей семье?

— В своей семье я ценю то, что мы семья. Мы — близкие люди. Доброжелательность у нас есть. И доброта. Очень дефицитное понятие в наше время. Мне повезло.

— А вообще все ваши картины о любви?

— А что в жизни есть важнее, чем любовь? Назовите. Любовь — Богом данное чувство, и человек не испытывавший — не человек вовсе. Любовь движет всем. А мужчине и женщине дает движение к подвигу.

— А много ли любви было на фронте?

— Конечно. Хотя война — весьма своеобразный образ жизни, там происходили не только ужасы, но радости. Естественно, случалась и любовь. Как только небольшое затишье, сразу начиналась эта суета. Да и что вы хотите? Солдаты — ведь в большинстве своем молодые парни. Помню, особенно забавно было, когда мы уже стояли на Висле, нейтральная полоса была между нами и немцами совсем узенькая — метров 75, и к нам прислали девушек-снайперш, чтобы они ловили на мушку нерасторопных немцев. Их близкое присутствие так возбудило мужскую солдатскую массу, что работать снайперши просто не могли. Все скоропалительно хватали счастливые минутку. Но были в той любви и трогательность, и осмысленность. К примеру, был у меня в подразделении солдатик, и любил он санитарку, а она его — во всем этом ужасе между боями, смертями и ранениями. Они поженились и после войны нарожали кучу ребятшек, и жили долго и счастливо.

Кстати, как и любили, пели на войне каждую минутку затишья. Песня и любовь на войне были отдушиной. Пели, знаете, в основном самодельные песенки, вставляли туда разные женские имена наших знакомых. И самыми моими любимыми и тогда были, и до сих пор остаются «Темная ночь» и «Землянка». Душераздирающие строки — «До тебя мне дойти нелегко...»

Так как я сейчас вдруг стал таким исполнителем, чаще других пою:

Сколько бы нас ни осталось в живых,

Жив голос погибших друзей боевых,

Жив голос победных знамен боевых —

И все-таки мы победили!

Беседу вела
Екатерина ВАРКАН
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ